

19 июня 1987 года

— Время, которое мы сейчас переживаем, с одной стороны, полно самых светлых надежд, с другой — тревожное. Назрела пора трезво взглянуть на все, что было, сказать себе и другим правду, как она есть. Не для того, чтобы свести счеты, нет, время сейчас такое, что мелочиться нельзя. Страна имеет великий шанс возрождения, именно поэтому все, что мешало, порождало сомнения, вызвало пессимистические настроения, — все нужно разъяснить, нужно освободиться от пут, от социально-политических стандартов, так тормозивших движение нашей жизни.

Так ответил Чингиз Айтматов на вопрос, чем он сегодня озабочен. В последнее время он много поездил по родной республике и стране; впереди Пленум ЦК КПСС, другие важные события, в частности второй «Иссык-Кульский форум», на этот раз в Швейцарии; словом, писатель, как и все мы, думает над проблемами, приобретшими самый актуальный смысл.

— Еще в недалеком прошлом мы очень много обещали себе на будущее: вот в будущем мы сделаем то-то, в будущем станет так-то. Но будущее создается в настоящем. Получился разрыв: говоря о том, как должно быть, мы без достаточной реалистичности оценивали, как обстоят дела в настоящем, и даже то, что уже в прошлом. Мы обнадеживали себя: мол, сейчас что-то не так и не эдак, но в будущем будет все прекрасно. Однако то, что не заложено в настоящем, не может проявиться в будущем.

Многие наши представления, сыгравшие, возможно, положительную роль в свое время, сейчас устарели. Утратили потенциал. Мы же долгое время этого не признавали. Вот мы говорим: «наши завоевания», вкладывая в это почти магический смысл. Но как они завоеваны, что из себя представляют сегодня? Преобразование огромной части земного шара с огромным населением — это действительно величайшее завоевание, но каким трудом, какой ценой? Это нужно знать, чтобы еще больше дорожить подлинными завоеваниями. А всегда ли потом мы находили радикальные пути развития? Почему, например, происходит искривление нравственных устоев? Почему возникает взаимное непонимание поколений?

— Но «спор поколений» присутствует не только нашему обществу и нашему времени...

— И все-таки: как он происходит в наших условиях? Все ли провозглашенные принципы, поставленные задачи соответствуют тому, что есть в реальности?

— В. И. Ленин по очень серьезным поводам нередко говорил: да, я это утверждал, но когда? А сейчас время другое, условия изменились...

— Вот этому у Ленина надо не уставать и уметь учиться — учесть фактов живого процесса. А мы во многих вопросах остановились на том опыте, который соответствовал совсем другому времени.

Есть же законоположение: по прошествии скольких-то лет любые тайны рассекречиваются. Но прошло полвека с 1937 года, мы все время что-то пытаемся сказать, однако так и не смогли. Ведь это «рассекречивание» в государственном масштабе нам было нужно не ради любопытства, смысл заключается в том, чтобы оно послужило уроком, ибо уроки надо извлекать своевременно. Мы дали оценку культуры личности, но всех его последствий преодолеть своевременно не смогли, не сумели. И непреодоление наказало нас — сковало мысль, инициативу, способствовало росту чиновничества, новому расцвету бюрократии, жившей за счет созданного ею порядка, так сказать на самообеспечение.

Перестройка — работа сложная, она не потерпит искусственного спрямления, упрощения, что уже было в нашей истории. Стереотипы и стандарты были выгодны прежде, когда казалось, что так легче управлять. Воля и слово могли приниматься к исполнению независимо от того, соответствуют ли они реальностям и здравому смыслу. А надо думать не о том, легко ли кому-то управлять или трудно. Кто управляет, тот должен знать, что это всегда нелегко, он должен понимать, что нет труда более тяжелого, чем взаимоотношения с людьми, поиски путей к человеку, к его сердцу.

Парадокс: провозгласив великие принципы построения социализма, мы с некоторых пор вроде бы умышленно отказали ему в главном движущем факторе — личной заинтересованности труженика, производителя. Не надо понимать личную заинтересованность, будто это только рубль, это не только рубль, человек относится к труду заинтересованно еще и в силу самого содержания труда, в силу того морального и психологического удовлетворения, которое приносит желанный труд. А ведь мы

тику... Вроде бы это не существенно, но это тоже говорит о неразвитости отношений. Монокультура, в классическом своем виде насажденная и доведенная до абсурда в Узбекистане, — урок нам всем. Экономика не может нормально развиваться в атмосфере игнорирования затрат труда, производительности труда, стоимости продукции и ее реализации, поступлений для воспроизводства: кто-то называл цифру — под нее подгоняется решительно все, во что бы это ни обходилось. Умудрились даже обосновывать, почему выгодно невыгодно!

Нарушение экономических законов (а социализм от них не свободен, наоборот, он должен больше других обществ руководствоваться экономическими законами) ударило и по психологии человека, настолько это было губительно. Как было нарушено, например, нормальное

туризм: тоже непонятные запреты. Нельзя посещать один район, другой район... Многие уезжают от нас недовольные, отчего поток туристов не нарастает, а наоборот. Между тем что важнее для нас: чтобы развивался туризм или чтобы нам вечно вставали лыко в строку?

Что бы сейчас ни рассматривали — вопросы экономики, быта, социального устройства, — надо держать в центре внимания, помогать это или мешает социализму, главной цели, которая спаяла всех нас воедино. Не надо думать, что социализм предопределил жить только так, а не иначе, трудиться только в данных условиях и больше ни в каких. С горечью думаю я: сколько напрасного труда потрачено в общественных науках! Многие были, оказывается, не то, а многое было и заблуждением. Масса диссертаций, люди потратили на это годы жизни, вместо

стройка — это прозрение и одновременно предвидение назревших и вполне возможных сдвигов в лучшую сторону.

Почему Шульц проявил фундаментальный интерес к гласности и всему, что за нею стоит? Когда раньше государственные деятели такого масштаба позволяли себе подобные беседы? Я думаю, что для них, для Запада, это задача. Прежний стереотип нашего общества, которым они оперировали, более непригоден. Он не подходит для новых серьезных прогнозов, если они хотят, чтобы прогнозы были действительно серьезны. И понятно их стремление узнать, как к этому относиться. Вот почему я думаю, что гласность поможет еще и выжить миру. Я так и сказал: если наша перестройка увенчается успехом, считайте, господин госсекретарь, что это будет большим вкладом в общее самочувствие всех наших современников.

А ведь полвека назад мы еще не могли этого сказать! Ныне же мы настолько включились в общую советскую культуру, что можем считать: славянские ценности — это и наши ценности, некоторые из них (письменность, в частности) рассматриваются как наши истоки. Вот какой интересный исторический выразитель произошел в наше время! Но в такой же степени мы должны включать в общую сокровищницу и ценности культур других советских народов. Как двуязычный писатель, русско-киргизский писатель, я считаю, что День славистики имеет общекультурный смысл. Но надо подумать о том, что есть и другие проблемы культурной интеграции, например, тюркоязычных советских наций — второй крупнейшей после славянской этнической группы в стране. Или, скажем, мощный клин таджикоперсидской культуры, одной из древнейших в Азии, — почему бы не учредить в честь этой культуры ежегодные праздники?

Интернационализм обязательно предполагает наличие различных национальных исходных данных. Иначе он — только слово. Интернационализм должен пониматься диалектически и творчески, а не просто как установка. Мы создаем модель, которой суждено стать опытом универсального значения. Впереди всем народам предстоит, если они хотят сосуществовать, общекультурное движение мирового порядка. У себя дома, в своей стране мы делаем это первые, но наш опыт, наши проблемы, наши попытки я рассматриваю не только в региональном масштабе, не только в масштабе нашего Отечества, но и вне его, хотя, конечно, мы никому не можем его навязывать.

— То есть наш долг первопродолжателей проявляется и здесь.

— Да. Но надо поставить точки над i: что есть что. Не существует наднациональной культуры, нигде и никогда, все культуры национальны. Когда мы говорим о сближении и слиянии культур, это нельзя понимать механически, клишированный подход здесь губителен. Сближение — длительный диалектический процесс, но что он исключает полностью, так это поглощение одной культуры другой. Некоторые же из тех, кто вечно торопится, спрашивают: зачем нужны национальные языки, национальные школы? Если сливаемся, так давайте побыстрее сольемся... Это и есть национальный нигилизм. Мимикрируя под интернационализм, он столь же реакционен, как и сам национализм. Ибо провоцирует его. А те, кто молчаливо поддерживает торопыг-нигилистов, способствуют обострению национальных отношений.

— В романе «И дольше века длится день» есть у вас Сабатжан — типичный национальный нигилист.

— Он продаст кого угодно и что угодно. Мы, видимо, воспитали такую категорию людей. Это они договорились до того, что рассматривают название аэропорта «Манас» как проявление национализма, отрицают необходимость национальных школ и детсадов, лишая тем самым национальные культуры их исходной почвы. Они ничего бы не оставили, никакой самобытности, в конце концов — экзотики, в которой тоже нет ничего плохого. Поэтому я думаю, что в борьбе против национализма мы не должны упустить и мимикрию под интернационализм. Эта борьба должна вестись внутри каждого народа во имя подлинности братских отношений.

— Итак, мир прекрасен тем, что он многоязык и многолик?

— Таким его создала, заметьте, сама природа. И он все более усложняется, устает, противоречия XX века достигли такой глобальной критичности, что только разум, вооруженный универсальным опытом и общечеловеческими идеалами, может противостоять угрозе уничтожения человеческого рода. И я все больше думаю о том, как необходимо нам всем новое видение мира, включающее в себя и подлинный интернационализм — прообраз будущих отношений между людьми. А еще я думаю о том, как важно сегодня осознать, что пути назад действительно нет и что это не слова, а единственная правда.

Беседу вел Г. МЕЛИКЯНЦ.

Чингиз АЙТМАТОВ: ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ ВИДЕНИИ МИРА

развитие овцеводства в Киргизии — этого важного звена народнохозяйственного комплекса страны? На недавнем республиканском писательском пленуме был рассказан такой случай. В свое время один ученый заявил на совещании: данная порода способна дать 120—130 ягнят от 100 овцематок. Присутствовавший при сем важный руководитель бросил на него недоумевающий взгляд: «И только?» На следующем совещании этот же человек вынужден был сказать: мы сделали новые расчеты и убедились, что можно еще увеличить приплод. «Вот теперь я вижу, что вы настоящий ученый», — похвалил его тот же руководитель. А в итоге наше животноводство перенасыщено низкокачественным, низкопродуктивным скотом. Пастбища из года в год уходят. Утрачен генотип растений и животных, создававшихся в результате длительной эволюции именно в этих местных условиях. Говорят: надо было выполнять план. Кто же спорит? Надо было. Но не забудем, что и на местах частенько выдумывались поточечные цифры, подкидывались несбыточные планы, чтобы выслужиться. Так планы превращались в антиланы. Они-то и приводили к массовому самоубийству, самообману и в конечном итоге к ущербу для экономики. А расплачивались не просто хозяйственными потерями, но и утратой веры у людей. Если же люди перестают верить в то, что они делают, в свои обязанности, — это почти неизбежно. Замораживание последствий отживших прокламаций и непродуманных решений — главная причина падения доверия, это социально опасно.

— Не случайно сейчас говорят, что инерция мышления и практики оказалась слишком упряма. Нужны большие усилия, чтобы ее преодолеть...

— ...и четкое представление, что именно надо пересмотреть. Обратимся, например, к экологии. Сейчас Арал ушел от берега по окружности на 46 километров. Возникли пустынные земли. Произошел климатический перелом для всего края. Изменилась жизнь населения. Участились заболевания. Все это отразилось на экономических и социальных возможностях огромного региона. Из 60 рек и речек, впадавших в Иссык-Куль, теперь впадает одна.

Урок здесь в том, что это же длилось десятилетиями и набат гремел не раз. Спасибо русским писателям, отставшим Байкал и северные реки. Но чтобы изменить положение, надо было «сверху» отключить запущенные рычаги, даже механизмы гласности здесь помогает не в полной мере, потому что говорить ты можешь, но вот услышат ли тебя?.. А возьмите

того, чтобы разрабатывать теорию социализма, произносили заученные формулы.

Мы заблуждаемся многие вещи, они перестают работать. Многие темы нашей жизни и борьбы надо очистить от общих слов, может быть, даже наполнить их новой сутью. Вот тема мира. Сейчас на новом витке, когда настоящему идет неотступная работа, направленная на то, чтобы отстоять мир, надо вести пропаганду не путем абстрактных пожеланий, а путем поиска истины и соприкосновения точек зрения. Многие из того, что мы говорили на эту тему, по-моему, утратило свое значение, зато появилось новое ее ощущение. Мне принесла репродукция работ Геннадия Доброва, он пишет портреты инвалидов войны. Это его тематика. Когда я увидел их, а они писаны с натуры (на выставках вы их не встретите, они, видите ли, наводят горесть), я буквально заболел. Я видел человека, у которого нет рук и ног, у другого нет лица — маска. И это живые люди, государство наше их не оставило. Старый человек лежит на коляске, ордена и медали свешиваются с его кителя; умное лицо, выразительные глаза, и такое в них горе! Известно, что трудно вообразить миллион погибших, но представить одного инвалида войны — этого довольно для понимания, что есть война. Я всю ночь не спал. Жена беспокоилась: зачем ты это смотришь? А кто же должен такое смотреть? Я бы разослал эти репродукции по свету... хотя и боюсь, что любое тиражирование уже несет в себе снижение воздействия.

Сейчас во внешнеполитическом аспекте делается очень много. Проявляется гибкость, что-то сдвинулось, ищутся компромиссы, договоренности. Чем мы поступаемся, идя на компромисс? Своей территорией, воздухом, водой? Нет же! Речь идет о том, чтобы найти разумную альтернативу для себя и для других.

Как новое мышление пробивает себе дорогу в международных делах? В Москву приезжал государственный секретарь США Шульц. Несколько писателей встретились тогда с ним. Главное, что интересовало государственного секретаря, был вопрос о гласности. Он гость, мы считали своим долгом выслушать его и ответить на его вопросы, соблюдая при этом необходимый этикет. Он спрашивал, мы отвечали.

То, что сейчас происходит у нас, — не очередная кампания, сказали мы Шульцу, это законность нашей жизни. Политическая структура страны остается прежней, цели, задачи и идеология нашего общества провозглашены семьдесят лет назад. Но идет как бы новая мобилизация духа, интеллекта, организаторских способностей. Пере-

менников. То есть мы будем иметь больше точек соприкосновения и шансов на совместное выживание.

Новое мышление, новое видение мира — явление принципиальное, оно касается не только внешнеполитических дел. Принципы взаимодовверия, взаимотерпимости, сотрудничества, уважения различных точек зрения в такой же степени применимы и во внутренней жизни. Мы серьезные люди, у нас не может быть принципов «для них» и «для нас» — у нас есть принципы. Так вот: мы пытаемся взглянуть по-новому не только на проблемы мира, но и на такой «тонкий» вопрос, как национальные отношения внутри страны. Если у нас есть чем гордиться и что сказать миру за истекшие 70 лет, то из самого трудного я бы назвал прежде всего достигнутое равенство возможностей для каждой нации. И здесь надо не просто отдать должное русскому народу, его величии, но и той идеологии, которую он во главе с партией выстроил и выстрадал вместе с нами. Это тоже новая страница в историческом развитии — опыт интернационализма. Однако все ли мы здесь развелили, все ли поставили на свои места?

— Более того, в ходе развития появились новые проблемы. Например, мы сетуем: кое-где нарушался принцип справедливости при получении высшего образования, среди принимавшихся в вузы превалировала молодежь коренной нации. Разве мог такой вопрос возникнуть несколько десятилетий назад, когда у иных народов и письменности-то не было?

— Сюда же относится и выделение кадров: все больше мы склоняемся к тому, что кадры должны выдвигаться не по принадлежности к нации, а по личным и деловым достоинствам. Главное, чтобы человек был на своем месте... Словом, интернационализм, его углубление требуют всякий раз практических решений. Активность социальной жизни, многонациональное государство с единой экономикой и единой идеологией, научно-техническая революция заставляют людей взаимодействовать. Из этого и надо исходить.

— В экономике, в управлении это представить нетрудно. А как в культуре?

— Сейчас, например, поставлен вопрос о Дне славистики. Я поддерживаю эту идею, тем более что славянская кириллица сыграла большую роль и в культуре неславянских советских наций, ведь русский алфавит стал сегодня достоянием большинства наций нашей страны. Каждый народ СССР, созная себя, свое достоинство (а нет наций без такого достоинства), ощущает себя как некую уникальную единицу и вместе с тем свою включенность в общий процесс.